

4. ЗАЯВЛЕНИЕ ГРИММА 20 ИЮНЯ 1917 ГОДА

20 июня 1917 года в № 9 Стокгольмского корреспондентского листка Циммервальдской международной комиссии Grimm опубликовал следующее объяснение:

ВЫСЫЛКА ТОВАРИЩА ГРИММА ИЗ РОССИИ

З а я в л е н и е Г р и м м а :

«Вечером 9 июня ко мне явились товарищи Аксельрод и Мартов и сделали мне ошеломляющий запрос, — не было ли передано мне швейцарским посланником в Петрограде мирное предложение германского правительства в целях прямой или косвенной передачи такового русскому правительству или не делал ли он относительно меня каких-нибудь попыток, направленных к этой цели. Существует подобный документ, в котором упоминается мое имя, документ, пересланный русским агентом в Берне министерству иностранных дел в Петроград

В согласии с истиной я ответил отрицательно на оба вопроса. Исполняя обращенную ко мне просьбу, я письменно подтвердил это отрицание для вручения обоим социалистическим министрам, Церетели и Скобелеву. К этому я прибавил, что вообще принципиально отклоняю от себя роль посредника мирных планов империалистических правительств.

Это заявление должно было на другой день появиться в «Известиях». Дело спешное. Желательно было предупредить нападки буржуазной прессы и в то же время своевременным предупреждением избежать вмешательства гостившего еще тогда в России француз-

ского министра А Тома. Эта спешка была мне несколько непонятна, но так как товарищи знали лучше обстоятельства дела, то я согласился.

Тем более велико было мое изумление, когда я на следующий день раскрыл «Известия». О моем заявлении — ни слова. Указанные накануне вечером причины как будто более не существовали. Теперь заявлялось, что будут предприняты дальнейшие исследования о наличии такого документа.

Тогда я потребовал, чтобы мне был предъявлен документ, чтобы я мог занять по отношению к нему какую-нибудь позицию. Это было исполнено. Четыре дня спустя, 13 июня, я получил через посредников министров Церетели и Скобелева копию бернской телеграммы швейцарскому посланнику в Петрограде, с которой Временное правительство уже тем временем ознакомилось.

Одновременно с этим министр Скобелев упомянул, что телеграмма будет завтра опубликована в Берне, а затем в Петрограде и что мне будет дана возможность сделать — перед опубликованием — заявление.

Я согласился. На вечер было назначено совещание, предметом которого был проект моего заявления.

Я констатировал, что мне подобная телеграмма не была передана ни прямо, ни косвенно, толковал телеграмму как попытку со стороны Германии использовать мое пребывание в Петрограде для целей германского империализма и германского сепаратного мира и поэтому считал такую попытку провокацией.

Оба министра пожелали большего. Они требовали более резкой колкости по отношению к германскому правительству и резкого выпада по адресу швейцарского правительства, образ действий которого является грязной услужливостью германскому империализму и нарушением швейцарского нейтралитета.

Это требование я отклонил. У меня имелись для этого различные основания. Их не могла даже поколебать угроза, что со мною придется поступить точно так же, как со всяким агентом враждебной державы, т. е. подвергнуть, быть может, аресту и позорной высылке. Мое впечатление было таково, что я — сознательно или бессознательно для себя и самих двух министров — должен был служить орудием одного буржуазного правительства против другого. Это впе-

чатление — безразлично, было ли оно правильно или нет,— могло только усиливаться, когда мне сказали, что министр иностранных дел * обязуется облегчить мне возможность возвращения в Швейцарию через Англию или Францию в случае, если германские власти из-за этого дела откажут мне в проезде через Германию.

При таких обстоятельствах я не мог выполнить поставленного мне требования еще и потому, что повод к телеграмме отнюдь не был установлен в то время. Телеграмма могла быть одинаково и ответом на запрос, и самостоятельным действием ** в ответ на неоднократно повторявшиеся со стороны социал-демократических и буржуазных парламентских кругов требования о выступлении с предложением мирного посредничества.

Впредь до выяснения фактического положения я не имел никакого права без всяких околичностей брать на себя упрек в нарушении нейтралитета. На это я тем менее мог решиться, что, казалось, не исключена возможность к тому, что мое заявление может в один прекрасный день, если Антанте покажется это полезным, послужить для нее поводом произвести против Швейцарии такой же маневр и принять по отношению к ней такие же меры, какие были приняты в начале войны Германией против Бельгии. И наконец, я привык сам формулировать подписываемые мною заявления и никоим образом не позволять предписывать мне их содержание.

В этой плоскости оставались переговоры в среду. Они возобновились на другой день после обеда. Тем временем я обсудил дело, которое, само собой понятно, вышло далеко за рамки чисто личного дела, с несколькими политическими друзьями. Мы уговорились относительно нового проекта, который и был предъявлен министрам. Текста я при себе не имею,— из цензурных соображений я должен был до поры до времени оставить это заявление, как и остальные документы, относящиеся к делу, в России. Поэтому я привожу на память содержание этого заявления, которое должно было появиться в русской прессе вместе с телеграм-

* Милюков

** Гофмана

мой и которое, однако, каким-то странным образом не было сообщено текстуально в иностранную прессу. Содержание являлось подтверждением первого моего заявления с следующим добавлением:

1. Что я при получении в Берне германской визы на паспорт избегал всяких политических бесед и во время переезда в Стокгольм избегал вступать в сношения с германскими социалистами большинства *

2. Что участие в этом деле швейцарского правительства может быть установлено только на месте

3. Что я как социал-демократ уклоняюсь от использования меня в качестве посредника империалистических мирных планов между правительствами

Это заявление вызвало дебаты. Точку зрения мою и моих политических друзей защищали товарищи Мартов и Аксельрод. Министры остались при своем мнении. Это заявление их опять не удовлетворило. В конце концов разошлись, не достигнув соглашения.

Все переговоры велись до сих пор строго конфиденциально. Особенно важное значение придавали этому министры, ибо они были также лишь конфиденциально осведомлены о деле. Между тем для нас, после неудачи переговоров, конфиденциальность уже больше не могла существовать. Мартов заявил от нашего имени, что мы более не чувствуем себя завязанными тайной и возвращаем себе свободу действий, использование которой, впрочем, определится дальнейшими переговорами с министрами. Я сам останусь в распоряжении русского правительства еще 2—3 дня, после чего уеду обратно, причем моя поездка, независимо от всего дела, еще раньше по соглашению с моими друзьями была назначена на 15 июня. В пятницу поздно после обеда я был вызван на квартиру министра Скобелева. Дело казалось чрезвычайно спешным, так как меня разыскивали на автомобиле и вручили мне приглашение на квартире товарища Аксельрода, где я находился в тот момент. В то время как все предшествующие переговоры велись в присутствии свидетелей, на этот раз приглашение было адресовано только лично мне. Это показалось мне подозрительным, так что я предусмотрительно попросил товарища Аксельрода быть свидетелем также и этих переговоров.

* Шейдемановцами

В квартире Скобелева мы нашли только Церетели. Скобелев явился позже. Здесь удар разразился со всей силой. Без всяких дальнейших переговоров мне теперь было объявлено через Церетели, что оба министра должны были признать мое заявление недостаточным. Не будучи в состоянии ручаться за меня в дальнейшем пред правительством, они должны теперь представить дело его ходу. Телеграмма была на следующий день опубликована в Стокгольме и Петрограде вместе с моим заявлением»

Гримму было после этого дано понять, что он должен немедленно покинуть Россию. Он протестует против признания его германским агентом. Он слагает с себя пост председателя Циммервальдского объединения и предоставляет швейцарской партии решить вопрос, располагает ли он мандатом или нет. 20 июня Хёггунд заявил, что он, Карльсон и Нёрман временно займутся делами Международной социалистической комиссии. Балабанова была вызвана по телеграфу.